

Глава 6

«Он не один: история тандема»

*Путин и Медведев как политическая
технология, или Как сделать
демократию эффективной, сохранив
демократичность*

Пожалуй, людей, к профессиональной политике отношения не имеющих, ни один политический вопрос не занимает так сильно, как механизм смены власти. Наследование или элитарно-номенклатурное назначение, всенародные или «квалифицированные» выборы, партийная борьба или аппаратное назначение — у каждого варианта есть «заклятые» сторонники и такие же противники среди населения любой, пожалуй, страны. Это один из редких сугубо политических вопросов, который вызывает неизменный интерес даже в тяжёлые экономические периоды, когда, казалось бы, ничто, кроме острых финансовых и бытовых проблем, не может всерьёз занимать человека.

На деле, конечно, может. И проблема высшего руководства, регулярно воплощающаяся в трагическом восклицании: «О боги, кто же нами правит!», достаточно важна даже на фоне острых насущных проблем, поскольку последние во многом зависят от того, как будет разрешена

первая. Несмотря на то, что многие люди уверены в своей полной независимости от политики («где мы — и где политика»), в случае с верховной властью срабатывает социальная часть сознания и звенит звоночек: это важно, от этого зависит в том числе твоя судьба. И вопрос о смене власти отнюдь не праздный как для страны, так и для конкретного гражданина.

Пожалуй, именно с этой значимостью механизма смены власти связана та истовость, с которой в каждой идеологии отстаивается один из механизмов. Отстаивается так, будто никаких иных механизмов, кроме него, не существует. Впрочем, любая идеология в принципе стремится к исключительному доминированию в поле политики, а вопрос смены власти для доминирования очень значим. Не исключение и либеральная демократия, которая сегодня распространилась по миру в своей электоральной форме. Если коротко, то вопрос смены власти в ней решается очень просто — притом что является центральным для этой идеологии. А может, как раз поэтому. Электоральная либеральная демократия — это такой политический режим, где политические свободы (главная декларируемая социальная ценность) реализуются, с одной стороны, во всяких массовых собраниях, демонстрациях и публичных акциях протеста, а с другой (которая является основной, поскольку публичные акции — это на случай всяческих отклонений) — в регулярной смене власти посредством голосования.

Причём вот тут начинается форменная катавасия. Основным требованием оказывается регулярность смены власти. Это требование опирается на такой феномен, как эрозия власти. Феномен этот отчасти подтверждён исследованиями; суть его заключается в том, что чем дольше власть сохраняется неизменной (не в структур-

ном, а в кадровом отношении), тем менее эффективными становятся её решения. Объяснение достаточно простое и логичное. За время властвования те, кто осуществляет власть, привыкают принимать шаблонные решения. Поначалу эти решения шаблонными не являются, наоборот: они вполне оригинальные и, главное, уместные и эффективные. Однако эта эффективность сыграла с властью злую шутку. Власть привыкает к эффективности и начинает рассматривать принятые решения как универсальные. И продолжает действовать по шаблону, не замечая, что обстоятельства изменились и что к новой социальной и политической ситуации эффективные в прошлом решения не подходят. А власть уже привыкла, и никакого стимула постоянно проверять саму себя у неё нет — она же остаётся властью так или иначе. Вот и получается, что сам факт длительного пребывания у власти ведёт к эрозии властной системы, к снижению эффективности механизмов принятия решений до критического минимума, после которого власть попросту лишается возможности быть властью. А в качестве способов преодоления этой эрозии власти предлагается, как правило, либо формирование специального консультативно-оценочного органа (группы, собрания), который будет контролировать конкретные решения, либо регулярная проверка отношения масс к принимаемым решениям — дескать, одобряют или нет. Ну, а превентивно избежать эрозии можно в том случае, если власть регулярно меняет свой состав вне зависимости от того, довольны ею или нет, по истечению конкретного срока. Это, собственно, и есть центральный постулат электоральной демократии — регулярная сменяемость власти.

В чём же катавасия? А в том, почему демократия зовётся «электоральной». Буквально это означает «избирательная», то есть властью тот или иной политик или

группа политиков наделяются в результате голосования. И логично бы предположить, что если демократия — то голосование должно быть всенародным, но это совершенно не обязательно! Для электоральной демократии главное, чтобы это голосование было. А кто голосует — это уже нюансы. Демократия ведь сегодня не прямая, а в большинстве случаев представительная, то есть подразумевающая делегирование (передачу) властных полномочий населением отдельным представителям — депутатам, президентам и прочим сомнительным персонам. Прямую демократию обеспечивают только точно, выборами или референдумами, но нигде население системно не участвует прямо в принятии законов и государственных решений. Какие-то отдельные законопроекты могут вынести на общенародное голосование, ту же конституцию, например, или изменения в неё. Но постоянное, «текущее» осуществление власти вовсе не подразумевает прямого народного участия. Поэтому и выбирать высшую власть при электоральной демократии может, например, парламент. Или какой-нибудь специальный орган — совет старейшин или коллегия выборщиков, как в США. И это всё равно будет демократия, потому что, дескать, этот орган, как и парламент, тоже ведь выбран народом. Вот и выходит: вроде главным должно быть то, что электоральная демократия — это в первую очередь демократия, а получается, что главное — это электоральная, причём просто по самому факту наличия выборов, а вовсе не по их качеству. Я, безусловно, немного упрощаю, но в целом демократия далеко не всегда означает «власть народа», а «правление народа» она не означает никогда. Электоральная же демократия хоть и трактуется большинством специалистов именно как демократия регулярных всенародных выборов, главным своим стержнем делает отнюдь не всенародность

выборов, а их регулярность, которая обеспечивает постоянную ротацию власти.

И ротация власти как способ предотвратить её эрозию — не такое уж плохое изобретение. Только вот дело, как уже указывалось, в качестве. В качестве выборов. Ротация власти сама по себе — идея неплохая, но слишком многое зависит от конкретного механизма. Если в качестве основного механизма ротации принимаются всенародные выборы, то вместе с ними приходят все их традиционные недостатки. Во-первых, людям приходится голосовать за тех, о ком они почти ничего не знают. Кстати, так в своё время россияне голосовали за Владимира Путина. В результате-то, конечно, повезло, но ведь могло и не повезти! Что ж это будут за ротация и предупреждение эрозии, опирающиеся на везение? Да и общий результат выборов — это устойчивое политическое неравенство между теми, кто выбирает, и теми, кого выбирают. Все эти ваши «элиты» и весь связанный с ними негатив. Во-вторых, выборы — это что? Правильно: политтехнологии. Уж поверьте. А раз политтехнологии, то фактически получается, что власть достаётся тому, кто может позволить себе нанять профессионалов высокого уровня (то есть обеспеченному) и кто сам хотя бы отчасти разбирается в способах управления мнением большинства (то есть манипулятору). Ничего себе ротация, скажете вы, и будете правы. Потому что в так называемую информационную эпоху, в эпоху избыточного развития СМИ решающим фактором оказывается не воля избирателя, не его осведомлённость, не его, наконец, предпочтения, а манипуляции журналистов, политтехнологов и прочих пиарщиков. Где тут демократия? Известно где...

А ведь есть и другие выборные механизмы, которые не подразумевают всенародного голосования. Например,

выборы в парламенте. Казалось бы, вот и снимаются все негативные моменты: депутаты и кандидатов в президенты хорошо знают, и манипулировать ими сложнее. Но зато в случае с парламентским голосованием пышным цветом расцветают групповой сговор и клановость. То есть не так уж сложно добиться поддержки парламентариев за счёт подкупа, давления, личных связей и т. д. Проблема? Ещё какая. В таком варианте демократия легко вырождается в племенное самовоспроизводство власти. А ведь есть и вовсе невразумительные формы электорального механизма. Возьмите хотя бы американскую модель. Есть все-народное голосование, но оно ничего не решает. А решает коллегия выборщиков — достаточно странных людей, которые вроде и должны голосовать так, как им велят избиратели в их штате, но вроде и не должны, если очень уж не хотят. И самое главное, независимо от того, какое конкретно большинство в конкретном штате проголосовало за одного из кандидата, за него должны голосовать абсолютно все выборщики от этого штата. В некоторых штатах эта система отличается: там голосование пропорциональное, но в большинстве дело обстоит именно так. И вот, допустим, у вас в Оклахоме 45 % проголосовали за кандидата Джона, а 55 % за кандидата Бобби, но все десять выборщиков от Оклахомы дружно голосуют за Джона. Так и получаются прелюбопытные результаты, когда население выбирает Хиллари Клинтон, а выборщики — Трампа, и президентом становится Трамп.

Как видите, механизмы ротации власти в электоральной демократии — та ещё головоломка. И уже нет никакой уверенности, что они действительно уберегут власть от эрозии. А если и уберегут, то не слишком ли высока цена за это? Но подобные вопросы сегодня задавать не принято. Электоральная демократия — это главный политико-

идеологический фетиш в сегодняшнем мире, против неё не попрёшь. А иначе мигом запишут во враги свободного человечества, которое пришло на смену прогрессивному. Кому охота оказаться в списке врагов? Никому, в этом-то и загвоздка. Проблема заключается в том, что другие механизмы смены власти тоже имеют слабые места. Например, наследование. Сегодня у многих в головах что-то щёлкнуло, и даже неглупые в общем люди, а не только бывшие прокуроры, несут вдохновенную чушь о необходимости восстановления династического наследования власти. Но ведь этот механизм ещё порочнее, чем электоральная демократия с её выборами. И не только потому, что династическое наследование — это муторная архаика, давно не отвечающая требованиям времени и попросту невозможная в индустриальных обществах; и не потому, что короли и цари — это рассадник генетических заболеваний (кому от этого плохо, кроме них самих?). Нет; дело в том, что наследование тоже не обеспечивает высокого качества власти. Вспомните, как в российской истории власть переходила в руки «внешних» носителей, представителей (представительниц) совсем других династий. Как приходилось отправлять на тот свет вполне законных династических наследников потому, что, приди они к власти, страна отправилась бы в небытие быстрее, чем плавится в огне оловянный солдатик. Как, наконец, влияли на власть разнообразные фавориты и фаворитки. Почему всё это происходило? Да потому, что наследование само по себе могло привести на трон кого угодно — невменяемого идиота, военного маньяка, блаженного психопата. Ничего себе механизм! Полный букет недостатков единоличной, самодержавной формы правления таков, что никакая «традиция» его не оправдывает, не говоря уже о сомнительной «богопомазанности».